

ре, как всецело присущая телу Христа «вследствие единства ипостаси» (Ibid. Т. 151. Col. 432 С).

Свет этот не был чувственно воспринимаемым, и люди, обладающие обычным физическим зрением, не могли его видеть. Однако ученики Христа на Фаворе видели его и физическим зрением, ибо оно было у них «приготовлено силою Божественного Духа» для такого видения. Так же увидят его и праведники в будущем веке; таким видением были наделены мать Иисуса Мария, пророчица Анна, Симеон Христопримец (Ibid. Col. 433 В). Праведники могут обрести дар видения Фаворского света путем добродетельной жизни и неустанной молитвы. Сам Христос просиял во время мо-^{439}литвы, чем наглядно показал ученикам, что именно «молитва является подательницей этого блаженного видения» (Ibid. Col. 432 А).

Фаворский свет меняется по своей силе. Палама подчеркивает, что апостолы сначала видели свет физическим зрением, затем он начал усиливаться и превзошел порог их восприимчивости и как бы скрылся в светлое облако (Ibid. Col. 444 А). И далее он замечает, что божественный свет «дается мерою и способен увеличиваться или уменьшаться» в зависимости от способностей воспринимающего (Ibid. Col. 448 В).

Особое место в своих сочинениях уделил Палама, как и его предшественники и последователи по подвижнической жизни, молитве и «умному деланию» монахов-исихастов, поставивших целью приобщение к фаворскому свету еще в этой жизни в процессе исихастской духовной практики, специальным приемам психосоматической подготовки и т. п. Палама много писал о путях, приемах и способах, которые могут привести монаха к узрению божественного света внутри себя, в своем «сердце», как некоем духовном центре человека, но эти вопросы эстетики аскетизма не удастся рассмотреть здесь подробнее за ограниченностью объема главы.

Итак, все усилия Паламы направлены на то, чтобы убедить читателей и слушателей в одновременной недоступности и доступности фаворского света, в его принципиальной неопостигаемости и чувственной воспринимаемости вплоть до видения физическим зрением; его, говоря философским языком, одновременной трансцендентности и имманентности тварному миру. Палама, таким образом, в полемике со своими противниками из лагеря рационалистов и гуманистов, возложивших богословско-философские надежды на разум и логику, снова (в который уже раз в святоотеческой истории!) утверждает *антиномизм в качестве главного принципа православного мышления*, т. е. предпринимает еще одну (последнюю в византийской истории) попытку укрепления и утверждения самой сути православия перед угрозой латинского рационализма. На этот раз объектом богословского анализа стали божественные *энергии*, и в первую очередь *свет* божественного преображения, т. е. феномен, имевший в византийской культуре не только религиозное, но и ярко выраженное эстетическое значение. Сам Палама хорошо ощущает это и нередко делает акцент именно на эмоционально-эстетической стороне фаворского света.

Своим озарением на горе, подчеркивает Григорий, Христос радуется всех — и видевших его учеников, и слышащих об этом христиан. Эта радость была предсказана еще псалмопевцем Давидом (см.: Пс. 96, 11; 88, 13) и затем сбылась на Фаворе (PG, Т. 151. Col. 437 В). Для достижения наслаждения фаворским светом ныне необходима как благодатная помощь свыше, так и внутренняя активность субъекта. Палама призывает жаждущего этой радости напрячь и возвысить «очи души» и, привлекая таким способом божественное озарение, стать «со-образным (σὺμμορφοῦ) подобию славы Господней» (Ibid. Col. 437 D). Духовное наслаждение фаворским светом возможно только при активной позиции созерцающего, когда он сам соответствующим образом сформирует, подготовит свой внутренний мир, а довершит это формирование божественная энергия в процессе осияния его, преображения в более прекрасный.

Для Паламы фаворский свет адекватен высшей красоте, что вытекает из многих его суждений. «Истинную и привлекательнейшую красоту» может узреть только очистивший свой ум, писал Григорий, в виде некоего ^{440} яркого сияния, которое пронизывает и самого созерцающего (Ibid. Col. 432 АВ). Сияющие белоснежные одежды Христа в Преображении представляются Паламе сверхприродной красотой (Ibid. Col. 440 D), а явленный там свет он называет божественной славой, царством, красотой, благодатью (Ibid. Col. 445 В; ср.: Col. 425 В). Размышляя о тайне Преображения Господня, Григорий призывает: «Пойдем к сиянию оногo света и, возжаждав красоты его неизменной славы, очистим зрение ума своего от земных скверн», привлекающих нас своей проходящей сладостью (Ibid. Col. 436 ВС). Из этих и подобных высказываний хорошо виден собственно эстетический аспект фаворского света.